

We believe that our findings show that both classical English and Scottish ballads and modern rock-ballads have a lot of common features concerning main themes, heroes, and sometimes even structure. Their functions are also quite similar.

Д. И. Данилевич

ПОЭТИКА СПИСКА В РОМАНАХ ДЖ. БАРНСА

Поэтика списка занимает особое место в литературе. Списки появляются и в авангардном, и в массовом искусстве, преследуя различные цели.

Писатель У. Эко делит все списки на «практические» и «литературные». Последние называют также «эстетическими», причем отмечается, что это определение наиболее точное, поскольку включает в себя «визуальные, музыкальные и жестикуляционные перечисления». К практическим относят списки покупок, гостей или блюд, каталоги и инвентарные перечни, словари. Такие списки, как правило, конечны, так как описывают реально существующие объекты. Литературные списки являются открытыми и нацеленными на бесконечность. Это происходит из-за того, что список оказывается слишком велик, чтобы записать его полностью, или потому что писатель находит особое удовольствие в перечислении как таковом.

Одним из самых древних литературных списков является список кораблей из II песни «Илиады»: в ней перечисляется 1186 ахейских судов, и этот фрагмент занимает примерно 300 строк греческого текста. В Евангелии от Матфея списком описывается родословие Иисуса Христа. Перечень начинается от Авраама, который «родил Исаака», далее «Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» и т.д. Заканчивается список словами «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос».

Еще один пример можно найти у Ф. Рабле. Отрывок про игры Гаргантюа занимает две страницы: «Гаргантюа играл: в свои козыри, в кто больше десяти, в четыре карты, в тридцать одно, в большой шлем...» и так далее. У. Эко считает, что именно Рабле положил начало поэтике списка ради списка, т.е. поэтике списка избыточного. Собственно, у самого У. Эко в романе «Имя розы» есть перечисление из почти сотни элементов, описывающее встреченных Сальватором людей, во время его странствия.

У Ж. Перека, одного из родоначальников шозизма, список является главным художественным методом. А одна из глав романа «Жизнь, способ употребления» содержит список из 179 персонажей книги, как бы запечатленных на картине персонажа-художника. Каждый пункт этого списка соотносится с конкретной главой романа.

Когда описывают группы предметов, списки могут быть вымышленными, отталкивающими (компоненты зелья, которое варят макбетовские ведьмы), практическими (описание вещей, которые сумел спасти от воды Робинзон Крузо). Наконец, список может быть хаотичным, а может быть четко

выстроенным по какому-то определенному принципу. Лучшим хаотичным перечнем У. Эко называет список животных из некоей китайской энциклопедии (животные делятся на а) принадлежащих императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) только что разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух).

Джулиан Барнс – тоже большой ценитель списков. В романе «Попугай Флобера» некоторые главы содержат нумерованные списки. Так, в 11 пунктах рассказано о поездках в жизни Г. Флобера, а в 15 пунктах воображаемые обвинители высказывают свои претензии к писателю (среди них то, что он ненавидел людей, демократию, не верил в прогресс, был пессимистом и жил в башне слоновой кости), которые затем парируются рассказчиком. В другой главе рассказчик собирает самые главные имена и понятия из жизни Флобера, описанные в нескольких предложениях. Тут встречаются старший брат Ашиль, литературный поверенный Луи Буйе, любовница Луиза Коле, эпилепсия и трансвестизм и даже Жан-Поль Сартр, написавший биографию «Идиот в семье». Этот список – проведение промежуточных итогов, рассказчик обобщает то, что уже было сказано, и намечает направления, о которых будет сказано дальше.

Такое обилие перечислений делает роман немного стенографичным, ведь между пунктами списка нет переходов и логических связей. Однако, в то же время, благодаря спискам разные сферы жизни французского писателя показаны с разнообразных сторон. Изюминкой является периодизация основных событий из жизни Г. Флобера, сначала показывающая только положительные моменты, потом только негативные. Третья часть представляет собой выдержки из личного дневника. В целом, такой способ изложения показывает относительность и уязвимость списков, ведь зачастую пункты сформированы из вырванных из контекста фрагментов.

В романе «Любовь и так далее» Оливер предлагает посостязаться в эрудиции и назвать шесть известных бельгийцев, «кроме Сименона». Когда добровольцев не находится, он перечисляет сам: Магритт, Сезар Франк, Метерлинк, Жак Брель, Дельво и Эрже, создатель Тинтина. В качестве «чаевых» (roug-boire) он добавляет в список Джонни Холлидея. В другом эпизоде, когда речь заходит о противозачаточных средствах, Оливер перечисляет семь способов предохранения от беременности.

В романе «Англия, Англия» тоже есть два интимных списка: краткая история сексуальности Марты Кокрейн, главной героини романа, и аналогичная история ее партнера, Пола Харрисона. В них описывается постепенное изучение персонажами природы сексуальности. Главным в романе является список «Пятидесяти Квинтэссенций Самого Наианглийского», который составили граждане разных стран мира, опираясь на свои представления об Англии. Это исследование должно было лечь в основу уникального парка

развлечений. Он содержит как бесспорные атрибуты английской культуры (королевская семья, Биг-Бен, футбольный клуб «Манчестер Юнайтед» и др.), так и стереотипные черты английского характера (лицемерие, нытье, пессимизм), а некоторые пункты и вовсе вызвали недоумение (малиновки на снегу).

Со списка начинается роман «Предчувствие конца». Это шесть образов, которые запомнились главному герою в один из дней его юности (внутренняя сторона запястья, пар из раковины, сливное отверстие, две реки, запертая дверь, за которой уже остыла ванна). Впоследствии каждый элемент этого перечня объясняется и занимает свое место в сюжете.

Наконец, «История мира в 10 ½ главах» содержит сразу несколько списков. Во-первых, это перечисление того, что было в реальности, но не нашло своего отражения в картине Т. Жерико «Плот медузы» (столкновение с рифом, строительство плота, мятежи, каннибализм, массовые убийства, бабочка, сцены по пояс/щиколотку в воде, сам момент спасения). Каждому из утверждений соответствует отдельный пункт с примечаниями. Во-вторых, это списки вещей, которые взяли с собой путешественники на Арарат с разницей в почти полтора века.

В-третьих, последняя глава, описывающая представления о рае, содержит список, который, подобно перековскому, включает отсылки к остальным главам романа. Рассказчик описывает свое времяпрепровождение: «Я занимался самыми разными делами:

- совершил несколько морских путешествий;
- учился плавать на каноэ, покорять горные вершины и летать на воздушном шаре;
- подвергался всем мысленным опасностям и уцелел;
- исследовал джунгли;
- присутствовал на судебном процессе;
- пробовал быть художником и хирургом;
- влюблялся, конечно же, много раз;
- испытал, каково это быть последним человеком на земле (и первым тоже).

В той же главе главный герой встречается с известными людьми. Перечисляются лишь некоторые: Джуди Гарленд, Хамфри Богарт, Джон Кеннеди и Чарли Чаплин, Мэрилин Монро, Президент Эйзенхауэр, папа Иоанн XXIII, Уинстон Черчилль, Роммель, Сталин, Мао Цзэдун, Рузвельт, генерал де Голль, Линдберг, Шекспир, Бадди Холли, Пэтси Клайн, Карл Маркс, Джон Леннон и королева Виктория. Встречался с Ноем, но общению помешал языковой барьер. На встрече с Иисусом Христом он не настаивал, когда ему сказали, что может выйти заминка. На Гитлера он предпочел просто смотреть, спрятавшись в кустах.

Таким образом, писатели обращаются к спискам практически на протяжении всей истории литературы. На них возлагаются различные функции. У Дж. Барнса списки часто придают строгость рассуждениям, сводя элемен-

ты в определенную логическую последовательность. Есть списки ироничные, сочетание объектов в которых вызывает юмористический эффект. Есть списки подробные, даже дотошные, убаюкивающие читателя, но добавляющие детали в повествование. Есть списки, которые в очень сжатом виде содержат в себе весь роман. Наконец, перечисление известных личностей является отсылкой к некоторым пластам мировой истории и культуры; имена в таких списках, как правило, являются прецедентными и служат свернутыми метафорами.

И. В. Даниленко

НЕОМИФОЛОГИЗМ ПОСТМОДЕРНА КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»

Понимание *метанаррации* (Ж.-Ф. Лиотар) как культурной доминанты, функционирующей в рамках определенной системы координат, во многом сближает это понятие с мифом. Утверждение постмодерна как времени «заката метанарраций» подразумевает отказ от мифологических повествований и развенчание мифов прежней культурно-исторической эпохи. При этом постмодернизм, стремясь разрушить классическую рационалистическую традицию, на наш взгляд, все-таки не совсем уходит от традиционного взгляда на мир, что находит выражение, в частности, в создании культурой постмодерна своего собственного «мифа», формирующего современное ему мифологическое пространство с новым пониманием мира и места человека в нем. В этом смысле постмодернизм предлагает собственную модель восприятия действительности как нестабильной гетерогенной среды, формирует свою систему ценностных ориентиров (плюрализм, полифонизм, толерантность, альтернативность, вариативность, открытость), разрабатывает новый стиль мышления, специфические идеалы и нормы описания мира, создает особый язык, организуя, таким образом, уникальную систему представлений о мире, которая обладает неомифологием собственных оснований.

Неомифологизм (В. Руднев, 2001) предстает как ведущий инструмент структурирования художественного пространства, что выражается: во-первых, в творческом заимствовании древних мифологических мотивов и сюжетов, во-вторых, в уподоблении художественного языка мифологическому праязыку с его ассоциативностью и многозначностью, и, в-третьих, в создании собственных мифологических миров и образов.

Возвращение к идее онтологического единства мира, основанного на незыблемых составляющих, к каковым следует в первую очередь отнести мифологическую праснову мира и юнгианские архетипы, стало одним из способов обновления романного жанра, оказавшегося к 70-м годам XX века в состоянии глубокого кризиса.

Мишель Турнье (1924–2016), выпускник философского факультета Сорбонны, ученик М. де Гандийяка и К. Леви-Стросса, свое видение